

Глава 2. «Механизмы коммуникации у птиц»¹

В 1996 году, на второй год моего пребывания в Новосибирском Академгородке началась, наконец, давно планируемая череда ежегодных экспедиций нашей лаборатории в южные районы тогдашнего Советского Союза. Задача, которую поставил перед собой руководитель этого проекта Н.Н. Воронцов, была, в основе своей, близка целям моих фаунистических исследований в Южном Приморье. Иными словами, предстояло уточнить видовой состав, на этот раз млекопитающих, этих обширных регионов, недостаточно изученных к тому времени тамошними зоологами. Неясным оставался, в частности, вопрос о том, какое количество видов грызунов (полевок, песчанок, сусликов, тушканчиков) реально населяет обширнейшие пространства пустынь, полупустынь и низкогорий Средней Азии, Казахстана и Закавказья.

Дело в том, что как раз в эти годы особое внимание зоологов привлекли к себе так называемые «виды-двойники». Суть явления в том, что животные, относящиеся к двум разным видам, неразличимы по внешнему облику², но обладают существенно разной генетической конституцией. На рубеже 1950-х и 1960-х годов были разработаны методы распознавания таких видов по количеству, величине и форме хромосом. Сумму этих признаков в то время считали чуть ли не главным показателем генетической уникальности видов. Их выявление требует специальных тонких методов, так что наша экспедиция должна была быть оснащена полевой генетической лабораторией.

Ее комплектация и подготовка к отъезду начались с первыми проблесками весны. Участниками экспедиции были Н.Н. Воронцов, его жена Елена Алексеевна Ляпунова, Севиль Ибрагимовна Раджабли, Ксения Ляпунова, Александр Дмитриевич Базыкин и Олег Юрьевич Орлов, который присоединился к отряду позже, приехав на место его работы из Москвы. Среди них я был единственным орнитологом, достаточно далеким, к тому же, от вопросов генетики млекопитающих. Поэтому я решил, не тратя попусту весеннего времени, наиболее драгоценного для исследователей поведения птиц, отправиться в путешествие первым и поджидать машины с оборудованием и коллег уже на стартовой точке последующего маршрута.

¹ Механизмы коммуникации у птиц. 1978. М., Наука. 306 с.

² Подробнее см. в главе 8.

Этим пунктом было решено считать Ашхабад – столицу тогдашней Туркменской Советской Социалистической Республики, или попросту Туркмении, как все ее называли тогда. Чтобы не отпускать меня одного, Н.Н. Воронцов дал мне в спутники сотрудника нашей лаборатории Петра Иосифовича Гуральника, который входил в состав участников экспедиции.

Прилетев на самолете в Ашхабад, мы с Петей направились напрямик в Институт зоологии, где с тех пор меня и моих коллег много лет принимали «на постой» самым радушным образом. И речи не было о том, чтобы отправить нас в гостиницу. В распоряжение гостей отдавали какой-нибудь кабинет, где те спали прямо на полу в спальных мешках.

Так было и на этот раз. Ашхабад произвел на нас впечатление типичного колониального города. Большие каменные дома были выстроены только на центральной улице. На других – низкие одноэтажные, в стандартной побелке, среди высоких деревьев с тенистыми кронами. На лужайках между такими строениями там и тут видишь одногорбых верблюдов. Женщины в национальной одежде, преимущественно разных оттенков красного. И настоящий восточный базар.

В фойе Института нас встретил вахтер – туркмен в полосатом халате, с выбритой головой в тюбетейке. На одном из двух стульев сидел он сам, а на другом лежал его головной убор из бараньего меха. Он полностью занимал сидение, а вьющиеся пряди черной шерсти свешивались по краям.

Я открываю для себя новый объект исследований

Ранним утром следующего дня мы с Петей сели в пригородный автобус в предвкушении новых впечатлений от встречи с природой, совершенно нам прежде незнакомой. По совету того же вахтера мы направились в Фирюзу³ – традиционное место загородного отдыха жителей Ашхабада. Примерно через полчаса пути мы оказались в неширокой долине речки Фирюзинка, пробившей узкое русло в днище Арчабильского ущелья. Оно прорезает северные отроги горного хребта Копетдаг, который тянется в широтном направлении, с запада на восток, разделяя территории Туркмении и Ирана.

³ В переводе с персидского фирюза (фируза) – «камень счастья».

Узкое русло горной речки с бурлящей кристально чистой водой окаймляли густые заросли ежевики и прочих колючих кустарников, над сплетением которых там и тут возвышались купы высоких деревьев с зеленовато-серой слоистой корой и широкими густыми кронами. По характеру листвы они напоминали наши клены, но как называлась эта порода деревьев, нам было неизвестно. Лишь позже мы выяснили, что это платан восточный, по местному – чинар. Крупные деревья явно иного облика, еще более экзотического с точки зрения жителей Западной Сибири, откуда мы прибыли, оказались впоследствии грецким орехом. Справа и слева от этой полосы долинной растительности круто поднимались вверх голые серые скалы, у верхнего уреза которых их гладкая поверхность пересекалась параллельно идущими горизонтальными террасами выветривания. А там, где стены ущелья были ниже, кое-где просматривались далекие заснеженные гребни хребтов Копетдага. Вся эта картина, в лучах утреннего солнца субтропиков, выглядела для нас, тогдашних сибиряков, поистине потрясающей воображение.

Но меня, разумеется, в первую очередь интересовали местные птицы. Я предложил Пете разойтись и пойти разными маршрутами. Так можно было более рационально использовать время экскурсии: каждый увидит что-то новое, а затем поделится с другим своими наблюдениями. Встретиться мы договорились на автобусной остановке часа через два.

Я прошел вдоль реки до устья горного ключа, впадавшего в нее, и направился вверх по его течению. Всюду, где кустарник уступал место участкам с травянистой растительностью, буйно цвели крупные маки с карминно-красными чашечками и черными основаниями лепестков. В эту экскурсию я насчитал 19 видов птиц. Среди них были хорошо известные мне из прошлого орнитологического опыта. Это виды с широкими ареалами, охватывающими обширные территории Евразии, а то и нескольких материков. К их числу относятся, скажем, ворон и сокол-пустельга. Других я узнавал как близких родичей знакомых мне видов, которым, казалось бы, не место в этом гористом ландшафте. Вот я вижу поползня, но лазает он не по стволам сосен и берез, как в Подмоскovie, а по крутой, почти отвесной скальной стенке. Летает с песней крупный жаворонок, у которого, в отличие от европейских полевого и лесного, горлышко

украшено двумя крупными черными пятнами. Незвестных мне птиц я зарисовывал в блокноте, чтобы затем установить их видовую принадлежность по определителю.

Внезапно мое внимание привлекли весьма странные звуки. Я попытался зафиксировать их в буквенной форме. Читаю свой дневник: «твиритри...плюю (с ударением) ририри (падение тона)... рърърър... твиритвири... псиу... жау... пийу... жиучжиучжиу чип чип...» , и т.д. И примечание: «крики надрывные, писклявые, несколько напоминающие конец песни лесного конька».

Пела на лету небольшая птичка с угольно черными головой и спиной и белым брюхом. Она каждый раз присаживалась на большом валуне, выпиравшем из скальной стенки, и почти сразу же срывалась с места, чтобы перелететь поперек долины на противоположный каменистый склон. Такие маршруты туда и обратно повторялись многократно. В полете птица размеренно, неторопливо взмахивала крыльями и разворачивала веером хвост – снежно белый с черными концами перьев. Белые опахала рулевых, как орнитологи называют перья хвоста птиц, просвечивали в солнечных лучах и контрастно выделялись на фоне синего южного неба. Это зрелище под аккомпанемент громких, надрывно эмоциональных звуков попросту завораживало. Острый интерес к этому пернатому созданию, способному на столь эффектные дивертисменты, родился в сердце сразу, вытеснив все остальные впечатления от чудесной прогулки. Это очевидным образом стало «любовью с первого взгляда», как прежде уже бывало – по отношению к малому зуйку и сорокопутам.

Я еще не знал точного названия этой птицы. Но по аналогии с широко распространенной в более северных широтах обыкновенной каменкой, обладающей хвостом такой же окраски, предположил, что полюбившаяся мне птица относится к тому же роду *Oenanthe*. Передо мной, несомненно, был холостой самец, пытающийся своими прекрасно озвученными воздушными маневрами привлечь внимание какой-нибудь самочки, еще не нашедшей супруга.

На этой экскурсии я видел еще одну каменку, которая отличалась от полюбившейся мне снежно белой «шапочкой». «Это, должны быть близкие виды, – подумал я. – То есть, как раз то, что мне нужно для дальнейших исследований по сравнительной этиологии». Вернувшись после поездки в Фирюзу в Институт зоологии, я нашел в его

библиотеке определитель птиц и установил, что моя новая любимица – это черная каменка, а похожая на нее, но с белой шапочкой – каменка плешанка.

Первые шаги

Именно материалы, полученные за последующие 10 лет интенсивного изучения образа жизни и поведения каменок, легли в основу книги, истории создания которой посвящена эта глава.

Понятно, что приступая к новому проекту такого рода, обычно приходится идти как бы «наощупь». Но на этот раз все складывалось на редкость удачно. Я сразу же оказался в нужное время в нужном месте.

Первый полевой лагерь нашей экспедиции, который мы разбили несколько дней спустя, располагался в ландшафте, идеальном для обитания сразу нескольких видов каменок. Палатки были поставлены близ отлогого берега небольшой речушки Сикизьяб, из которой мы брали воду для питья и готовки. Когда не было дождей (а их в этой местности в конце апреля практически не бывает), ее без труда можно было перейти вброд. Если идти от лагеря в сторону от реки, вы попадали в лабиринт коридоров, проделанных потоками воды, идущими с гор в период весеннего таяния снегов в их альпийской зоне. Стенки этих «микроущелий», глубина которых обычно около 2-3 м, состояли из смеси сухой глины и камней всевозможных размеров. Здесь чуть ли не на каждом шагу попадались всевозможные пустоты, в которых каменки прячут свои гнезда. Кормятся они на выровненных, почти лишенных растительности склонах, прорезанных описанными каменистыми оврагами и постоянно прогреваемых солнцем. И хотя беспозвоночных, которые пригодны каменкам в пищу, здесь сравнительно немного, некоторые их виды (например, разнообразные муравьи и жуки чернотелки) достаточно многочисленны, чтобы прокормить популяции не только каменок, но и многих других местных насекомоядных птиц⁴.

Во время первых же моих экскурсий в окрестностях лагеря выяснилось, что каменок здесь не два вида, которые встретились мне во время поездки в Фирюзу, а целых четыре. Причем распознать всех их с первого взгляда неопытному наблюдателю оказалось не столь уж просто. Трудности не возникали лишь в отношении одного вида – каменки

⁴ Каменки, как выяснилось позже, по стратегии питания относятся к категории так называемых видов оппортунистов, о чем я скажу несколько позже.

плясуньи, которая по внешнему виду не имеет ничего общего с тремя другими. Ее оперение, как у самцов, так и у самок окрашено в теплые палевые тона, и лишь у самцов имеется тонкая черная полоска («уздечка»), идущая от угла клюва к глазу. У трех других видов окраска самцов представляет собой разные сочетания черного и белого.

КАМЕНКИ (САМЦЫ)

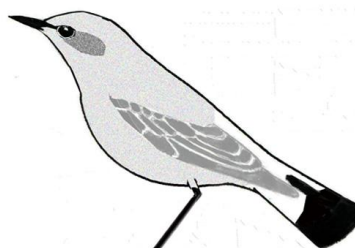
черная

пleshанка

черношейная

плясунья

О том, как выглядят самцы черной каменки и пleshанки, я уже упоминал. Когда мне впервые удалось рассмотреть с близкого расстояния самца черношейной каменки, оказалось, что у него, в отличие от пleshанки, не только шапочка, но и вся спина белая. Что касается самок, то у черной каменки они очень изменчивы по окраске, так что некоторые особи почти неотличимы от самцов. У двух других «черно-белых» каменок самки окрашены в тусклые серовато-бурые тона. Но вскоре оказалось, что различать самок пleshанки и черношейной каменки гораздо проще не по окраске, а по голосу и по манере поведения.

На этот раз мне не удалось начать систематические наблюдения за поведением каменок, поскольку экспедиции предстояло двигаться дальше на восток и срок ее пребывания в долине реки Сикизьяб оказался довольно коротким. На двух машинах ГАЗ-

24 мы пересекли юг Туркмении и Узбекистана, остановились на некоторое время в столице Таджикистана, носившей тогда название Сталинабад (ныне Душанбе), и через перевал Анзоб (на высоте 3372 м) продолжили путь на «крышу мира» – Памирское плато.

Во время остановок в той или иной точке, занимавших по несколько дней, я собирал данные по обитавшим здесь близким видам птиц и тем, которые мне были интересны в продолжение моих дальневосточных исследований. Так, на одной из стоянок в Туркмении я познакомился с местным видом сорокопутов – туркестанским жуланом и нашел с десяток гнезд этого вида. В старом парке на территории Зоологического института в Душанбе я вел систематические наблюдения за двумя видами воробьев, которые гнездились здесь на пирамидальных тополях огромной смешанной колонией. Пока экспедиция работала на Памире, мне удалось кое-что узнать еще об одном виде каменок – пустынной.

Все это время я не переставал размышлять о том, как увиденное мной на нашей первой стоянке в долине реки Сикизьяб соотносится с бытовавшими теориями по поводу отношений между близкими видами в местах их совместного обитания. Об этом уже много было сказано в предыдущей главе, где речь шла о дальневосточных сорокопутах. Там я говорил о том, что моя первоначальная вера в важность неких механизмов, якобы выработанных в ходе сопряженной эволюции видов «для» устранения конкуренции и возможности гибридизации между видами уже тогда стала ослабевать.

Еще большие сомнения относительно справедливости этих взглядов возникли у меня при знакомстве с четырьмя совместно обитающими видами каменок. Дело в том, что полупустынный ландшафт, в котором они гнездятся, по запасам ресурсов питания близок к экстремальному. Я убедился в этом, когда пытался найти хоть какое-то существо, пригодное в качестве приманки при ловле каменок западной. Членистоногие (насекомые, пауки и скорпионы) значительную часть времени проводят здесь, прячась под камнями от палящих лучей солнца и во время ночных похолоданий. Можно было потратить целый час, бродя взад и вперед в местах, где каменки обычно кормятся, переворачивая камни и не встретив при этом ни одного живого существа.

Такое положение вещей заставляет каменок быть крайне неразборчивыми при поисках корма. В пищу идут и самые мелкие муравьи длиной в несколько миллиметров, и

столь крупные создания, как, например, паук фаланга. Однажды я видел, как черной каменке удалось справиться с крупной и, судя по происходившему, очень сильной ночной бабочкой бражником. Та несколько раз вырывалась из клюва каменки, но не могла улететь, поскольку крылья ее были повреждены уже при первом нападении пернатого хищника. Нападавший после четырех-шести попыток все же добил свою жертву и долго поедал ее, отклеывая по кусочку. Ловят каменки и мелких юных особей таких видов ящериц, как круглоголовки и агамы, с трудом заглатывая их целиком. Ближе к осени они кормятся также ягодами, вызревающими на кустарниках.

Те четыре вида каменок, о которых идет речь, даже если бы и «хотели», не могли бы разойтись по разным местообитаниям, как того требует гипотеза Д. Лэка, поскольку полупустыни предгорий Копетдага есть, по сути дела, пространство, существенно единообразное по своим экологическим характеристикам. Нельзя отрицать того, что у разных видов существуют некоторые предпочтения к тем или иным фрагментам ландшафта. Например, плясуньи держатся в участках более плоских, где они гнездятся в норах грызунов, вырытых теми в относительно мягком грунте. Черные каменки относятся к числу наиболее рьяных петрофилов⁵, то есть выбирают для гнездования места с максимально расчлененным скальным рельефом. Предпочтения черношейной каменки можно расценить как нечто среднее между теми, которые свойственны двум названным видам. Что касается плешанки, то этот эти каменки являют собой типичных оппортунистов, которым все равно, где гнездиться, лишь бы там были пустоты, пригодные в качестве убежища для гнезда.

Наверное, думал я, смягчению конкуренции из-за ресурсов может способствовать межвидовая территориальность, о чем я рассказывал в первой главе, когда речь шла о зуйках и сорокопугах. Но, как мне уже удалось увидеть на первых порах, кормовые участки пар разных видов каменок зачастую широко перекрываются. Но насколько эффективен механизм межвидового антагонизма, предстояло выяснить в дальнейшем, когда появится возможность заняться этим вопросом вплотную.

Выбор модельного вида

⁵ Петрофилы – буквально, «любящие камни».

На следующий год мне не удалось продолжить изучение каменок, поскольку я должен был в качестве орнитолога принять участие во второй длительной экспедиции нашей лаборатории. На этот раз главным районом ее работы были полупустыни Казахстана, то есть места, мало пригодные для гнездования уже знакомых мне видов каменок, за исключением плясуньи, которая в то время меня не слишком интересовала⁶. Предгорий Копетдага наши три машины достигли лишь в середине лета, когда гнездовой сезон трех других видов уже подходил к концу, так что серьезную работу по изучению социального и сигнального поведения черной, черношейной каменок и плешанки начинать не имело смысла. За время этой экспедиции, пока мои коллеги изучали тушканчиков в Зайсанской котловине (восточный Казахстан), я продолжил накапливать материал по сорокопутам и собрал очень интересные сведения по взаимоотношениям и гибридизации двух местных видов – жуланов европейского и туркестанского. Эти данные впоследствии составили важную часть тех нескольких моих книг, где я обобщил все, что известно о гибридизации у птиц и о видах семейства Сорокопутовых⁷.

Снова в Копетдаге. Вплотную заняться каменками мне удалось весной следующего, 1968 года. Нетрудно догадаться, что местом работы я избрал место, уже известное мне по первой поездке в Туркмению, именно, долину реки Сикизьяб. Со мной поехали сотрудник нашей лаборатории А.Д. Базыкин и А.П. Крюков, бывший в то время студентом Новосибирского университета.

В Ашхабад мы прилетели уже в первых числах марта. Дальше нам следовало доехать на автобусе до поселка Геок-Тепе, а оттуда двигаться пешком по маршруту длиной немногим более десяти километров. Зная об этом, мы решили не увеличивать без надобности вес и без того нелегких рюкзаков, под клапанами которых были закреплены тяжеленные ватные спальные мешки (других тогда не было и в помине). Решено было покупать продукты прямо на месте. Об этом пришлось вскоре сильно пожалеть. Подходя к кишлаку, который располагался у нас на пути, в двух-трех километрах от цели маршрута, мы прочли на поржавевшей жестяной табличке, прибитой к столбику: «Колхоз Путленизм» (путь ленинизма). Стоило лишь зайти в магазин кишлака и окинуть взглядом его продуктовую полку, чтобы понять, к каким результатам привело

⁶ Она казалось, как позже удалось подтвердить, видом, не «близким» всем прочим, упоминаемым здесь.

⁷ См. далее, в главе 6.

движения по этому пути за 50 лет советской власти. Нам сразу же пришлось с горечью убедиться в том, насколько легкомысленным шагом был отказ от закупки продуктов в Ашхабаде.

На этот раз мы не стали ставить палатки в том привычном для нас месте, где лагерь экспедиция был разбит два года назад. Здесь, на голом берегу речки, открытом для палящего туркменского солнца, даже ранней весной в дневные часы может быть чересчур жарко. Поэтому было решено обосноваться на противоположном берегу, в обширной плантации персиковых деревьев, подходившей вплотную к руслу. Итак, тень и вода были в избытке, чего, к сожалению, нельзя было сказать о продуктах питания. Несколько дней нам пришлось питаться почти исключительно манной кашей с луком и подсолнечным маслом. Не выдержав такой диеты, отправились в поселок и купили у хозяина одной из хижин ногу верблюда. Но нас вновь ожидало разочарование: мясо оказалось на редкость жестким и почти несъедобным. Базыкин несколько раз ходил в горы на охоту, но каждый раз возвращался с пустыми руками.

Однажды нам неслыханно повезло. Это было 21 марта, когда, возвращаясь с экскурсии, мы проходили через кишлак. Из одной хижины, завидев нас, вышли ее хозяева и стали настойчиво уговаривать зайти к ним. Оказалось, что эта дата – день весеннего равноденствия, который в Туркмении знаменуется началом древнего праздника Новруз-байрам. Нас троих усадили на ковер и поставили на расстеленную посреди его скатерть огромный казан с пловом. Мы настолько соскучились по полноценной пище, что, казалось, быстро уничтожим все его содержимое. Впрочем, не тут то было. Когда спустя полчаса появились еще двое гостей, удовлетворение от еды было почти полным. Хозяйка унесла казан, чтобы в честь прихода новых посетителей заменить его новым, столь же внушительных размеров. В момент исчезновения первого я успел заметить, насколько ничтожной была съеденная нами троими порция по сравнению с первоначальным количеством блюда. Оставалось только пожалеть, что хоть немного этой необыкновенно вкусной еды было бы неприлично унести с собой в лагерь.

В нескольких точках вокруг лагеря я провел глазомерную съемку местности и во время вылазок туда наносил на план размещение гнездовых территорий пар разных видов друг относительно друга. Как я и предполагал изначально, участки, принадлежавшие черным каменкам, черношейным и плешанкам, чередовались, в общем,

случайным образом. Правда, кое-где по две-три территории пар одного и того же вида примыкали друг к другу. Но никаких очевидных различий в предпочтениях разных видов к каким-то особым, специфическим фрагментам ландшафта выявить не удавалось. Только пары плясуний придерживались наиболее плоских понижений рельефа. Важно подчеркнуть, что здесь же в основном собирали корм и особи всех трех других видов каменок.

Такие экскурсии я чередовал с длительными, по несколько часов, наблюдениями за поведением членов брачных пар. Первая половина марта – период массовой постройки гнезд у всех видов местных каменок. Для этих пернатых вообще характерно то, что устройством гнезда заняты одни только самки. Самцы не принимают ни малейшего участия в сооружении колыбели для будущего потомства. Они следят за порядком на своих участках и экстренно реагируют на появление здесь незваных гостей – будь то особи своего или прочих видов птиц, и не только каменок. Такие визиты со стороны неизменно заканчиваются изгнанием пришельцев. Самцы активно поют с рассвета до заката и регулярно проделывают демонстрационные полеты над принадлежащими им угольями.

Я тщательно фиксировал в дневнике мельчайшие особенности этих эффектных воздушных эволюций, постепенно отмечая все новые и новые детали различий в их исполнении самцами разных видов. Пытался снимать происходящее кинокамерой «Красногорск», но она была столь тяжелой, неповоротливой в работе и склонной к постоянным отказам, что в конечном итоге из сделанных съемок практически ничего извлечь не удалось. Не было у меня и магнитофона, так что особенности вокализации разных видов приходилось фиксировать в дневнике звукоподражательно.

Между тем, различия в акустических сигналах подчас позволяли распознать самцов разных видов более надежно, чем особенности их окраски. Среди примерно десятка самцов плешанок, чьи участки были закартированы, один отличался от всех прочих белой спиной и в этом отношении был чрезвычайно сходен с самцом черношейной каменки. То, что это все-таки плешанка, подсказали мне звуки песни этой особи, идентичной песням всех прочих типичных особей плешанок. Она включает в себя, помимо мелодичных нот, стаккато, удивительно напоминающее стук пишущей машинки. Ничего подобного не бывает в вокализации черношейных каменок. Только спустя шесть

лет мне удалось выяснить причину необычной окраски этого самца. Работая в 1974 году совсем в других местах, на полуострове Мангышлак в восточном Прикаспии, я смог установить, что такие «белоспинные плешанки» – это один из наиболее часто встречающихся вариантов гибридов между плешанкой и испанской каменкой, у самцов которой оперение спины белое.

Мне посчастливилось присутствовать при нескольких эпизодах стычек между самцами каждого данного вида на границах их территорий и пронаблюдать отдельные кратковременные контакты между членами брачных пар. К концу второй недели, когда настало время возвращаться домой, я, оценивая сделанное, был близок мысли, что я уже знаю почти все, что мне нужно, об этих четырех видах каменок. Насколько далек я был тогда от реальности, мне стало понятно только через три года, после очередной экспедиции на юг Узбекистана в 1971 году. Но об этом речь пойдет в следующей главе.

Я совершенно не отдавал себе отчета в том, насколько опрометчива моя уверенность, что полученного материала вполне достаточно для полноценного сравнительного анализа поведения изученных видов. Но все же решил еще кое-что уточнить и с этой целью вновь посетил долину реки Сикизьяб в марте следующего, 1969 года. Весна на этот раз выдалась на редкость неблагоприятной для полевых исследований. Утром в день приезда стоял густой туман и моросил дождь. Ставить палатки при такой погоде очень не хотелось, так что все трое участников экспедиции сошлись на том, что имеет смысл подыскать более надежное убежище.

И правильно сделали, поскольку и в следующие 17 дней солнце появлялось нечасто, только после полудня, и к тому же светило неуверенно сквозь тонкий слой облаков. Мы нашли брошенный коровник – саманную постройку длиной около 20 метров с зияющими оконными проемами. Внутри были перегородки между стойлами, оставлявшие свободным продольный проход посередине. Мы устроились в среднем «отделении», кое-как закрыв окна кусками фанеры и картона, а одно затянув полиэтиленом. Не слишком комфортно, но лучше, чем под дождем. Готовили на костре прямо в помещении, используя в качестве топлива доски, которые отрывали от перегородок в дальних отделениях коровника. Как-то раз около нашего жилища появился пожилой туркмен. Он долго печально осматривал коровник, а потом сказал: «Сначала

петух был, потом свинья, потом совсем бросили». Еще одна черточка из жизни колхоза Путленизм.

Неоценимым достоинством этого нашего убежища оказалось то, что прямо метрах в пятнадцати от его входа пара плясуний облюбовала нору для устройства гнезда. Так что в плохую погоду, когда не имело смысла совершать экскурсии в окрестностях, мы с Алексеем Крюковым могли, оставаясь в укрытии, наблюдать по несколько часов за поведением самца и самки при их взаимодействиях друг с другом.

Наша спутница, Нина Шамильевна Булатова, сделала препараты хромосом всех четырех местных видов каменок и, вдобавок, целого ряда других видов птиц для пополнения сведений по цитогенетике пернатых, весьма скудных в то время в мировой литературе.

После этого, укрепившись в мысли, что туркменским каменкам уделено достаточно времени, я решил расширить спектр объектов исследования и познакомиться с поведением прочих видов этого рода, обитающими в других регионах территории бывшего Советского Союза. Поездка в Копетдаг закончилась 18 марта, так что оставалось время обследовать какой-либо район обитания каменок, куда весна приходит позже, чем в Туркмению. Выбор пал на южный Алтай, который, как я выяснил из литературы, входит в весьма обширную область распространения пустынной каменки. Я уже упоминал, что видел этих птиц на Памирском плато, откуда ареал вида тянется на запад до северной Африки. Чуйская степь, куда мне следовало попасть на этот раз, находится между этими двумя регионами.

Чуйская степь. Наш отряд, состоявший из трех человек (Елена Юрьевна Иваницкая, Ефим Михайлович Анбиндер и я) 1 мая погрузился в Новосибирске в поезд, конечным пунктом следования которого был город Бийск. Эта часть пути на юг заняла у нас немногим более десяти часов. Отсюда до места назначения оставалось свыше 500 километров (530, если быть точным). Нам предстояло ехать на юг по знаменитому Чуйскому тракту (помните, «Есть по Чуйскому тракту дорога...»), который тянется до границы с Монголией и уходит дальше в эту страну.

Бийск стоит на реке Бия, по имени которой город и получил свое название. Здесь 2 мая погода стояла еще зимняя, и только спаривание парочки воробьев, замеченной мной по пути к автовокзалу, знаменовало собой намек на скорый приход весны. Доехать до

поселка Кош-Агач, куда лежал наш путь, можно было только на автобусе. Когда мы грузились в сильно потрепанный ПАЗик, нам было сказано, что сегодня мы до места не доберемся. Дорога дальняя, и придется переночевать примерно на полпути. Это был неприятный сюрприз. К тому же настроение не улучшалось от того, что во всю шел снег и было очень холодно.

Чуйский тракт проложен между горными хребтами, идущими в основном в меридиональном направлении, по долине реки Катунь, а на последнем отрезке длиной около 240 километров – вдоль ее притока Чуи. Катунь – многоводная горная река, которая питается от таяния 800 ледников общей площадью более 600 тыс. квадратных километров. При слиянии с Бией немногим западнее Бийска, Катунь дает начало могучей сибирской реке Обь.

Первые 90 км, до Горно-Алтайска, дорога идет чуть ли не вплотную к берегу Катунь, так что мы могли почти все время видеть реку справа от себя⁸. А слева в окна автобуса был виден вдали заснеженный гребень гигантского хребта Иолго, позже – Куминского хребта, возвышающегося уже гораздо ближе к трассе. Склоны гор у подножий покрыты лесом из лиственницы. Вскоре автобус миновал мост через Катунь, и она осталась далеко слева.

Мы проехали еще 130 км, и начался медленный подъем на Семинский перевал, пересекающий одноименный хребет в его наиболее низкой части, на высоте 1717 м. Здесь характер растительности изменился: лиственница сменилась кедром. Прекрасные могучие деревья с густыми округлыми кронами стояли иногда поодиночке, но чаще образовывали плотные рощи разной величины. Сначала автобус с натугой полз вверх на протяжении почти 10 км, а затем более бодро двинулся на спуск по серпантину почти такой же длины.

Примерно через 70 км тряской дороги, которой, казалось, не будет конца, автобус остановился около гостиницы в поселке Онгудай. Мы проехали 288 км, оставалось еще 242. Выехали рано утром, когда, как и накануне, шел густой снег, и, миновав около 70 километров, остановились на смотровой площадке, откуда открывался вид на место впадения в Катунь ее притока Чуи. Зрелище и в самом деле было впечатляющим. После слияния двух рек они, как будто бы, пытались еще некоторое время сохранить свою

⁸ Теперь людьми застроен не только почти весь этот берег, но даже и некоторые острова посреди реки.

самостоятельность. По левую сторону русла текла желтая вода Чуи, а по правую – зеленовато-голубая Катунь.

После этой короткой остановки дорога, которая ранее шла в южном направлении, отклонилась к юго-юго-востоку. Теперь мы ехали по днищу долины Чуи, то и дело оказываясь очень близко к ее руслу. Проехали поселок Акташ, после чего начался спуск в Курайскую котловину, лежащую на высоте около 1700 м над уровнем моря. Окрестности вокруг постепенно приобретали облик предгорной полупустыни, чем-то похожей на хорошо уже знакомые мне ландшафты подножий Копетдага. Слева были видны заснеженные цепи Курайского хребта, далее впереди справа – Северо-Чуйского.

Миновав западные отроги этой горной цепи, мы оказались, наконец, совсем близко к цели, в Чуйской котловине, еще более пустынного облика, чем Курайская. Часам к пяти вечера увидели перед собой мост через Чую, за которым начинался поселок Кош-Агач. Но там нам делать было нечего, так что мы со своими туго набитыми рюкзаками высадились, не доезжая до моста метров 50, поскольку прямо около дороги увидели метеостанцию и быстро сообразили, что именно здесь сможем найти себе пристанище.

На следующий день я отправился на осмотр окрестностей ранним утром. Немного потеплело. Передо мной расстилалась равнина с каменистым грунтом, лишенным какой-либо растительности. Лишь вдали виднелась роща голых еще деревьев – тополей, как я выяснил позже. Там и тут возвышались конусовидные каменные останцы высотой примерно до 3 метров, с одной или с несколькими вершинками. Они выглядели желтыми, бледно-оранжевыми или красноватыми. Взглянув под ноги, я понял, в чем дело. Плоская галька была покрыта местами корочкой лишайников именно этих цветов. Камни выглядели очень живописно, и я взял одну каменную пластинку с собой на память об этих местах.

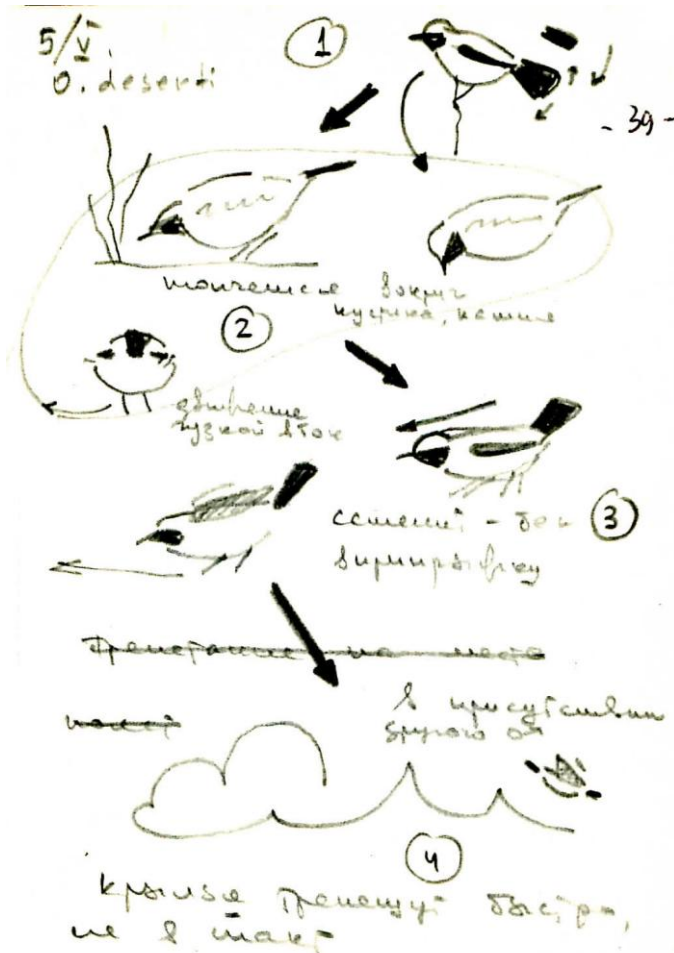
Пройдя всего лишь несколько десятков метров, я увидел самца пустынной каменки. Он пел, сидя на макушке одного из останцов. Вскоре тут же появилась и самка. Я порадовался тому, что прекрасный объект для наблюдений оказался буквально «в шаговой доступности». Пошел назад к метеостанции и дальше, в сторону реки. Расстояние до нее составляло примерно 15 минут ходу.

Река была покрыта льдом, который, судя по всему, и не собирался таять. Я спустился по склону до обрыва первой террасы и пошел вдоль него. Пройдя всего

несколько шагов, увидел пустынных каменок. Это тоже была парочка, явно занявшая гнездовую территорию. А чуть ниже - две пиясуньи крутились возле отверстия норы, которую, как позже выяснилось, они выбрали в качестве убежища для гнезда. Когда я вернулся на базу, на крыше дома пел самец обыкновенной каменки. Не оставалось сомнений в том, что место для работы выбрано оптимальным образом.

В последующие несколько дней все больше становилось и пустынных и обыкновенных каменок. Но я сосредоточился на наблюдениях за поведением тех двух пар первого вида, которые обосновались наиболее близко к метеостанции. Все было бы хорошо, если бы не ледяной ветер, внезапно начинавший дуть даже в солнечные дни и пронизывающий насквозь ватную телогрейку и шерстяной свитер. Лишь такая экипировка вкупе с зимней шапкой ушанкой позволяла высидеть на одном месте, напряженно глядя в бинокль, по два-три часа.

СТРАНИЧКА МОЕГО ДНЕВНИКА

Сильные похолодания случались примерно раз в три дня. Дальние цепи гор из голубых становились белыми от выпавшего снега, а лужи по утрам покрывались тонким слоем льда. В такие дни маскированные трясогузки⁹, державшиеся в русле реки пролетными стаями, выглядели подавленными. Но того же нельзя было сказать о каменках, более привычных, по-видимому, к подобным капризам местной погоды.

Так, 10 мая мне посчастливилось пронаблюдать весь процесс формирования брачной пары обыкновенных каменок, а спустя неделю самка уже приступила к постройке гнезда. На следующий день тем же была занята самка пустынной каменки. Кстати сказать, на первых порах у меня возникли проблемы с распознаванием самок этих двух видов. Они практически неразличимы по окраске. Но я очень быстро понял, что птиц можно легко распознавать по мелким деталям поведения. Самка обыкновенной каменки, сидит ли она или перемещается в поисках пропитания, все время мерно покачивает хвостом. У самок второго вида движения хвоста гораздо более лихорадочные, как у трясогузок, и при каждом его опускании рулевые перья слегка разворачиваются, так что хвост в этот момент становится чуть более широким.

К моменту завершения работы я нанес на план гнездовые участки нескольких известных мне пар трех видов каменок, облюбовавших первую террасу реки и участок пологого склона ниже ее. Картина оказалась такой же, как та, что удалось выявить в Копетдаге. То есть, в совершенно однотипном местообитании территории, принадлежащие парам разных видов, чередовались более или менее случайным образом. Вот как это выглядело на этот раз: гнездо плясуньи; через 20 шагов – центр активности самца обыкновенной каменки; плюс 125 шагов – его гнездо; плюс 135 шагов – гнездо пустынной каменки; плюс 56 шагов – гнездо другой пары обыкновенных каменок; плюс 125 шагов – участок плясуньи.

Полученные в этой поездке сведения о поведении еще двух новых для меня видов наводили на тревожную мысль о том, насколько непростую задачу предстоит мне решать в дальнейшем, в попытках строгого аналитического сравнения сигнального поведения разных видов каменок. С одной стороны, в их повадках было, несомненно, немало общих черт. В полевом дневнике, наряду с бесстрастным описанием увиденного, то и

⁹ В отличие от всем нам хорошо знакомых белых трясогузок, у самцов этого вида вся голова черная, а от клюва к затылку идет белая «маска», за что птицы и получили свое название.

дело появлялись заметки следующего характера: «звук напоминает фрагмент песни плешанки» (о пустынной каменке); «эти акции сходны с отмеченными у пустынной каменки» (о каменке обыкновенной), и т.д. В то же время, многие особенности поведения видов при сопоставлении их друг с другом выглядели кардинально различными.

В качестве примера приведу описание рекламных полетов самцов плясуньи и пустынной каменки. У первого вида он выглядит так. Развернув веером роскошный черно-белый хвост и торопливо работая приспущенными крыльями, которые совершают взмахи очень малой амплитуды, самец медленно, словно с натугой, поднимается под углом кверху, на высоту не более двух-трех метров над землей. Затем он на несколько секунд повисает в одной точке, удерживаясь на месте столь же быстрым биением крыльев, после чего устремляется к земле, планируя, либо в крутом пике. Именно за этот полет плясунья и получила свое народное название.

А вот как выглядит рекламный полет самца пустынной каменки. Мерно взмахивая крыльями, птица быстро набирает высоту. Достигнув верхней точки (метров 15-20 над землей), она поворачивается в горизонтальной плоскости то в одну, то в другую сторону, внезапно резко взмывает вверх, на мгновение повисает на одном месте и сразу же, слегка развернув рулевые, пикирует вниз. Вся эта последовательность действий (повороты, подъем, пике) тут же повторяется вновь, и так раз за разом – до момента посадки самца на его постоянный песенный пост. Эти дивертисменты, выполняемые самцами плясуньи и пустынной каменки, имеют очень мало общего как между собой, так и с рекламным полетом черных каменок, о котором было сказано в начале главы.

Совершенно различно у этих трех видов каменок и звуковое сопровождение таких воздушных демонстраций. У плясуньи это громкая продолжительная песня, в которой без перерыва следуют друг за другом самые разнообразные звуки. Среди них нетрудно узнать имитации голосов самых разных видов птиц и даже млекопитающих (в частности, сурков), а также такие, которые самец издает в иных ситуациях, например, когда окрикает хищника, посягающего на принадлежащее ему гнездо. Заканчивается песня серией лихих звонких посвистов. Самец пустынной каменки, летая высоко над своим участком, непрерывно повторяет однообразные мелодичные ноты своей коротенькой песни, а когда устремляется в пике, слышна глухая трескучая трелька

совершенно иного звучания. Песня самца черной каменки, уже описанная мной на предыдущих страницах, по степени разнообразия звуков отчасти сходна с песней плясуньи, но различия в частных деталях этих вокальных конструкций казались мне, на первый взгляд, весьма существенными.

Конечная задача любых сравнительных исследований в биологии состоит в том, чтобы выяснить генеалогические отношения между видами, послужившими объектом изучения. Или, другими словами, установить степень родства каждого с каждым. На этой основе строится так называемое филогенетическое древо. Делаются предположения о том, какой из видов может быть более древним, «пра-пра-дедушкой» всех прочих, а какие в ходе эволюции произошли от него и его «сыновей» и «внуков» в том или ином порядке. Они размещаются на схеме филогенетического древа на его ветвях, ближе к основанию ветви или на ее конце (наиболее молодые виды).

При этом считается, что мерой родства между видами служит степень их сходства по сумме признаков. Таким образом, в начале исследования необходимо составить каталог таких признаков для каждого вида, а затем сопоставлять эти каталоги друг с другом, помечая признаки, общие для видов, скажем, значком «+», а отсутствие того или иного признака у данного вида прочерком.

Наиболее трудный вопрос состоит в том, что именно считать «признаком», несущим информацию о родстве. Например, рекламные полеты свойственны всем видам каменок, в отличие, скажем, от воробьев, у которых они отсутствуют у всех видов. Но эти полеты характерны не только для каменок (род *Oenanthe*), но и для родственных им каменных дроздов (род *Monticola*). Это значит, что рекламный полет стал компонентом сигнального поведения еще у общего предка представителей этих двух родов. Стало быть, присутствие или отсутствие такого полета – это «признаки», не информативные в плане выяснения родства разных видов каменок друг с другом.

Теперь представьте себе мою растерянность в попытках мысленно восстановить степень сходства между уже известными мне шестью видами каменок. Чем больше я узнавал о них, тем многочисленнее становились наборы «признаков» для каждого. Между тем, как выяснилось в дальнейшем, сумма моих знаний даже об этих видах была весьма далекой от желаемого. А ведь мне предстояло еще познакомиться с несколькими видами,

о которых пока что не было известно ровным счетом ничего. Поэтому я решил первым делом узнать хоть немного и об этих видах.

По вечерам, намерзшись на ветру, хотелось согреться и расслабиться. У нас с собой был спирт, но в какой-то момент захотелось чего-то более непривычного. Тогда я придумал рецепт смеси, получивший у нас название «коктейль по-чуйски». Наливаете в чашку сгущенное молоко, высыпаете туда порошок какао и добавляете спирт. В зависимости от соотношения между количеством сгущенки и спирта консистенция может быть разной. Смесь вы или пьете, как густой йогурт, или едите чайной ложкой.

Е.М. Анбиндеру срочно понадобилось по делам в Академгородок, и мы с Леной Иваницкой остались вдвоем. Когда пришла пора возвращаться, мы решили не трястись два дня на автобусе, а остановить машину и ехать в Бийск на ней. По Чуйскому тракту регулярно ходили мощные фуры, с надписью большими белыми буквами «СовТрансАвто» на темно-серых тентах. Они осуществляли постоянный товарообмен с Монголией. Водитель такой машины охотно согласился взять нас. Напомню, что проехать предстояло 530 километров за один раз. Примерно на полпути мужчина вдруг решил остаться ночевать у своих знакомых. Мы отдали ему деньги, оставив себе как раз такую сумму, которую следовало заплатить за билет до Новосибирска.

Уже наступил вечер, а до пункта назначения было еще очень далеко. Мы поймали еще один грузовик, предложив водителю в качестве оплаты остававшуюся у нас бутылку спирта. В Бийск приехали за полночь. Я завалился на лавку в вокзальном помещении и заснул так крепко, что Лена не могла меня разбудить, когда к платформе подали поезд. Ей в этом помогал кто-то из незнакомых нам пассажиров мужского пола. Он долго тряс меня изо всех сил, пока я не проснулся.

Но на этом злоключения не кончились. Где-то на полпути выяснилось, что мы ошиблись и чего-то не доплатили. Мы с вещами снова оказались на платформе. А платить-то было уже нечем. Я сказал Лене: «Сейчас я достану деньги. Видишь, там ходит влюбленная парочка. Я попрошу у парня, и он не сможет мне отказать в присутствии своей возлюбленной». Так оно и вышло, и мы следующим поездом прибыли утром в Новосибирск.

Нахичевань. Как то к нам в Академгородок приехала на несколько дней группа орнитологов из Казахстана. Во время беседы «за чашкой чая» речь зашла о каменках.

Оказалось, что один из гостей, Олег Вильевич Митропольский, столь же увлечен этими птицами, как и я. Правда, его интересы лежали в сфере их систематики, а не поведения, как у меня. Впрочем, как легко видеть из предыдущих абзацев, эти две темы связаны между собой теснейшим образом, и я в дальнейшем не избежал соблазна заняться вплотную некоторыми нерешенными тогда вопросами систематики каменок (об этом будет подробно рассказано в главе 6).

Олег спросил меня, знаком ли я с птицей под названием златогузая каменка. Ответ, как уже известно читателю, мог быть только отрицательным. «Тебе обязательно надо, – воскликнул Олег, – посетить окрестности поселка Джульфа, что в Нахичеванской АССР». Он продолжал: «В Союзе они обитают еще и в высокогорьях Памира, но туда добраться гораздо труднее. А в Нахичевани ты найдешь, кроме того, еще испанскую каменку и черношейную». Итак, появилась перспектива узнать кое-что еще о двух видах, совершенно новых для меня, а заодно – пополнить сведения о черношейной каменке.

Сказано – сделано. В последних числах марта 1970 года самолет доставил наш полевой отряд из Новосибирска в Баку. Отсюда предстояло проехать на запад по железной дороге, идущей вдоль юго-западной границы тогдашнего СССР до станции Джульфа в Нахичеванской автономной республике. Это был в те годы анклав Азербайджанской ССР внутри территории Армянской ССР, с населением смешанного состава. Последнее обстоятельство казалось странным – взаимная неприязнь, чтобы не сказать больше, между азербайджанцами и армянами всегда была притчей во языцех.

В состав отряда входили четыре человека: Нина Булатова, моя вторая жена Людмила Сергеевна Шилова, с которой мы только недавно заключили брачный союз, сотрудник нашей лаборатории ихтиолог Иванов и я. Оказавшись в Джульфе, мы, не мешкая, направились к местной противочумной станции. В те годы такие организации неизменно давали приют зоологическим экспедициям. Начальник станции встретил нас более чем радушно. Было ясно, что неизгладимое впечатление на этого нестарого восточного мужчину произвело появление во дворе станции, иссушенном палящим солнцем, а потому голым и неприглядным, двух молодых светлых шатенок. Нам тут же было предложено ближе к вечеру посмотреть окрестности, объехав их на ГАЗике, стоявшем тут же во дворе.

Эта поездка закончилась не столь благополучно, как того хотелось. Нас привезли на берег ручья, который по первому взгляду говорил о том, что это «традиционное место отдыха трудящихся». Водитель машины быстро расстелил ковер, и все мы, за исключением него, расселись вокруг. На ковре появились две бутылки с прозрачной жидкостью. Оказалось, что содержимым одной была водка, а другой – слабо разведенный спирт. Насколько помню, серьезной закуски не было. Поскольку водителя к столу не звали, я сразу понял, насколько трудную задачу мне предстоит выполнить. Я прикинул, что если женщины откажутся пить (как оно и случилось), то литр крепких напитков придется распределить между тремя лицами мужского пола. Но я не учел потенциальных возможностей Иванова, теоретически посчитав его равным себе и начальнику заставы, в чьей готовности опустошить сосуды, судя по всему его поведению, сомневаться не приходилось.

Несмотря на то, что было уже около семи часов вечера, уровень температуры воздуха я прикидочно оценил примерно в 30⁰ по Цельсию. Соответственно, и напитки трудно было назвать охлажденными. К моему негодованию, Иванов очень быстро вышел из игры – после трех-четырёх рюмок у него началась истерика. Но я сдаваться не мог – это значило бы потерять достоинство в глазах хозяина мероприятия. Мы с ним допили все до конца. На этом «осмотр окрестностей» завершился, и все мы вернулись на станцию.

Но этим дело не кончилось. Хозяин пригласил нас троих (Иванов давно уже «выпал в осадок») осмотреть станцию изнутри. Он привел нас в плохо освещенную комнату, в которой стояли длинный голый стол и несколько стульев по обе его стороны. Когда мы сели, вновь появился водитель ГАЗика, которому было сказано: «Ахмед, смотайся в магазин и привези две бутылки нашего азербайджанского коньяка, чтобы угостить дорогих гостей». Я ужаснулся, но понял, что придется стоять до конца.

Вопреки тому обстоятельству, что закуской служили только конфеты карамель, первая бутылка была выпита без особого напряжения. Можно даже сказать, что этот этап испытания я преодолел даже как-то незаметно для себя. Наверное, коньяк действительно был неплох, да и менее теплым, чем предыдущее спиртное. Пили мы вдвоем, оставалась еще одна бутылка, так что приходилось как-то поддерживать разговор. Единственная тема, которая показалась мне интересной для хозяина – это отношения между двумя

народами, населяющими его страну. Не помню уже, в каком русле шла беседа, но я был уверен, что все делаю правильно.

В общем уже за полночь мы с начальником станции разошлись, вполне довольные друг другом. Что же касается моих спутниц, которые высидели почти до конца, то они наутро почему-то были не в духе⁹ и в ответ на мои попытки заговорить с ними упорно молчали.

Позже мы попросили отвезти нас в такое место, где мы могли бы разбить полевой лагерь. Машина шла по шоссе, пролегающим по долине реки Аракс, по которой проходила тогда граница СССР с западным Ираном и Турцией. Река оставалась далеко слева, а по правому борту долины стеной громоздились крутые каменистые обрывы из горной породы красноватого цвета. Изредка можно было видеть, что в этой сплошной, в общем, стене появляется узкая брешь. Я решил, что эти разрывы должны быть входами в ущелья, идущими вглубь подгорной гряды, и что именно в таком месте следует устраивать лагерь. Мы миновали небольшую деревню под названием Аза, а километра через три от нее я заметил более широкий проход между чинками¹⁰, где, как казалось, и следовало искать то, что нам нужно. К тому же от шоссе до входа в этот проём было совсем недалеко, каких-нибудь метров сто. Замечу, что именно эта особенность расположения выбранного мной места, показавшаяся его достоинством, в дальнейшем сыграла с нами злую шутку.

Когда мы перетаскивали рюкзаки и палатки поближе, выяснилось, что путь к цели нам преграждает арык. Это порадовало нас – значит, водой мы обеспечены. Миновав эту искусственную протоку вброд, мы оказались в действительно шикарном месте. Это была ровная площадка как раз такой ширины, которая требовалась, чтобы свободно разместить на ней четыре одноместные палатки. Справа стояла высокая скальная стенка, дававшая тень значительную часть дня, а слева склон холма был пониже и достаточно пологим для того, чтобы подниматься по нему на высокое плато, уходящее в сторону от долины Аракса. По просторам этого нагорья нам предстояло экскурсировать в дальнейшем.

Но самым замечательным было то, что наше ущельице, как вскоре выяснилось, выбрали для житья не только мы, но и парочка златогузых каменок. Они появились уже тогда, когда мы трудились над установкой палаток, и вели себя так, что стала очевидной

¹⁰ Чинками в Закавказье и Средней Азии называют крутые склоны невысоких останцовых гор.

их приверженность этому участку местности. Уже утром следующего дня я обнаружил, что самка занята постройкой гнезда в расщелине скалы, нависающей над нашими палатками.

По внешнему облику златогузые каменки оказались более всего похожими на плясуний. Самец и самка выглядели практически неразличимыми, окрашенными целиком в серовато-палевые тона. Основания рулевых перьев, белые у всех каменок, о которых ранее шла речь, у этих птиц рыжеватые, а по заднему краю хвоста, как и у тех, идет широкая черная полоса. Я сразу же начал искать отличия в манере их полета и передвижения по субстрату от того, что мне было уже известно о прочих каменках-петрофилах.

Благодаря нашему тесному сожительству с парочкой нового для меня вида мне посчастливилось проследить все начальные этапы гнездования у этих пернатых. Весьма необычным мне показалось их поведение при постройке гнезда. Местом для него самка выбрала вертикальную щель между двумя каменными глыбами в самом узком ее месте. Как позже выяснилось, выбор был сделан неудачно, хотя птичка сделала все, чтобы его оправдать.

На протяжении целых четырех дней она пыталась завалить узкий проем щели плоским каменными пластинками (максимально до пяти сантиметров в поперечнике), которыми было усеян грунт у подножия скалы. Здесь самка подбирала камень и летела с ним к месту своей работы. Ей удалось создать истинное инженерное сооружение – многослойный горизонтальный настил, перекрывший щель полностью. Но тут начались неприятности: в какой-то момент камешки, приносимые самкой, стали вываливаться наружу. За каждой упавшей каменной пластинкой весом в 3-4 грамма птица сразу же спускалась по два или по три раза, пытаясь снова водворить ее на место, и почти всегда безуспешно. Тогда она оставила эту щель и стала носить камни в нору в глинистой стенке обрыва, метрах в 150 в стороне.

Дно этой норы было сплошным и достаточно ровным. Поэтому, казалось бы, в выравнивании его камнями никакой необходимости не было. Тем не менее, тяжелая работа была начата снова. И лишь спустя два-три дня самка начала носить в нору сухие соломинки и травинки.

Тогда мне не было еще известно, что такое поведение свойственно всем видам каменок-петрофилов, в том числе черной и черношейной¹¹. Но у них этим делом заняты только самки. А у моей пары златогузых каменок также и самец не гнушался этим делом. Но он не помогал в нем своей супруге, а носил камешки (не столь усердно, как она) в выбранное им самим другое отверстие в скале, располагавшееся даже не рядом с местом работы самки.

Как первое, неудачное место для гнезда, так и второе, располагались высоко, что не позволило мне осмотреть их вплотную. Но позже я нашел еще несколько гнезд других пар, и в одном случае сосчитал количество камней, натасканных самкой в убежище. Их оказалось 453, общим весом немногим менее полутора килограмм.

Самец время от времени посещает самку возле строящегося ею гнезда. Иногда при этом он по несколько раз залезает в гнездовую нишу и выскакивает оттуда, что заставляет самку последовать, наконец, за ним в убежище. Часто такие взаимодействия приурочены к глубоким вечерним сумеркам. Но лишь однажды за все время наблюдений самец прилетел с длинной травинкой в клюве и передал ее самке.

Самка затратила на сооружение колыбели для яиц не менее пяти дней, а вместе с возведением каменного настила – целых девять. К концу этого периода поведение самца резко изменилось: он все чаще стал петь во весь голос на одном, вполне определенном карнизе скалы, над которыми нависала широкая каменная «крыша». И если в обычное время птичка перемещается по субстрату короткими прыжками, то теперь пение звучало «на бегу». Изменился и характер песни: она стала более разнообразной, включающей в себя звуки разной высоты – от предельно высоких до очень глухих и низких, среди которых выделялось периодически повторяемое весьма своеобразное «храпение».

Время от времени самец принимает весьма экстравагантную позу: он поднимает расправленные крылья, плавно взмахивает ими вверх и вперед и медленно покачивает хвостом, рыжеватые перья которого развернуты широким веером. Когда самка готова к спариванию, она прилетает к самцу, ведущему себя таким образом, под каменный карниз. Вокруг оказавшейся около него самки самец проделывает неистовый полет

¹¹ У чернобрюхой каменки, обитающей на Пиренейском полуострове и в северной Африке, камни для настила под гнездом носят не только самки, но и самцы.

петлями. Приземлившись, он мелко трепещет расправленными крыльями и словно бы «заползает» на спину самки.

Когда та приступила к насиживанию кладки, самец в первые дни вынужденного одиночества продолжал эпизодически посещать свою нишу под карнизом, выполняя здесь подчас полную церемонию приглашения самки к спариванию. Все эти действия адресовались теперь какому-либо камешку или кусочку глины, и с таким неодушевленным предметом самец в конце концов и «спаривался». Я трижды наблюдал подобное поведение самца, объектами притязаний которого служили два комка сухой глины, возвышавшиеся над полом его излюбленного карниза. Подобное поведение этологи называют «реакцией вхолостую».

Обо всех этих тонких деталях поведения мне удалось узнать только потому, что наш лагерь располагался прямо на гнездовом участке каменок, так что они ежедневно были на виду буквально с рассвета до заката. Не будь этого, многие стороны их жизни, приуроченные как раз к времени предрассветных и вечерних сумерек, так и оставались бы для меня тайной за семью печатями. Именно с тех пор я взял за правило ставить палатку прямо на месте наблюдений и в дальнейшем следовал ему непреклонно, как бы сложно ни было эту задачу осуществить.

На этот раз мне сильно повезло в том отношении, что каменки второго вида, ознакомление с которым входило в задачу экспедиции, появились спустя несколько дней после начала работы. Мы обосновались в ущелье 26 марта, а первый самец испанской каменки был замечен здесь только через три дня, которые я смог, таким образом, посвятить, не отвлекаясь, наблюдениям за каменками златогузыми.

У самцов испанской каменки существуют два разных варианта окраски (так называемые «морфы»). У одних (морфа *aurita*) оперение головы в основном белое, и только от клюва через глаз идет назад черная полоска, постепенно расширяющаяся. У самцов морфы *stapazina*, кроме того, черные подбородок и горло. Самец, который обосновался в нашем ущелье, принадлежал к первой морфе (назовем его «белоголовым»). На протяжении трех дней он постепенно осваивался на выбранном им участке и пел все более и более активно. Но утром четвертого дня (31 марта) здесь же появился другой самец, с черным горлом, который с самого начала показал всем своим поведением, что место ему нравится и что он намерен остаться здесь, чего бы ему это ни стоило.

Конфликт между хозяином территории и новым претендентом на нее продолжался почти шесть часов. Большую часть этого времени оба самца почти непрерывно совершали над оспариваемым участком длительные совместные рекламные полеты, сопровождаемые интенсивным пением. Когда один из соперников пытался приземлиться, второй устремлялся прямо на него, не давая ему сесть, и синхронные полеты возобновлялись. Но ни один из самцов не переходил к явно враждебным действиям. Одно время мне показалось, что претендент выглядит сильно утомленным. Но вскоре он воспрянул духом и возобновил свои попытки отвоевать участок у законного его владельца. Все же, в конце концов, противники сцепились когтями и упали на землю, нанося друг другу удары клювами. После этого первый хозяин территории уступил поле боя пришельцу. В дальнейшем он освоил участок прямо у входа в наше ущелье, по соседству с новым хозяином своей предыдущей территории, привлек сюда самку и в паре с ней успешно вырастил птенцов.

По мере того, как количество самцов, возвращающихся с зимовок в Африке, быстро нарастало, конфликты между ними из-за жизненного пространства становились делом вполне обычным. Но, в отличие от того, что мне пришлось наблюдать в нашем ущелье, новым пришельцам ни разу не удалось вытеснить прежнего хозяина с занятого им участка. В этих ситуациях самцы, занявшие территории первыми, вынуждены были уступать вновь прибывшим лишь краевые зоны своих первоначальных владений. Дело в том, что новые поселенцы, как правило, «втискиваются» между территориями пионеров и постепенно расширяют свое жизненное пространство в обе стороны, как бы «расталкивая соседей локтями».

В дальнейшем, изучая каменок, я смог установить вероятную причину победы черногорлого самца-пришельца над «белоголовым». Оказалось, что как самцы, так и самки у всех видов каменок ведут себя непреклонно по отношению к себе подобным, когда весной возвращаются на тот участок, где гнездились в предыдущий год. В данном случае выявить победителя в лице пришельца мне посчастливилось только потому, что конфликтующие самцы были окрашены по-разному. Описание взаимодействий между ними и карандашные наброски, фиксирующие их позы и телодвижения во время этого враждебного взаимодействия, заняли в моем дневнике семь с половиной страниц. Все

это оказалось неоценимым материалом для начального этапа ознакомления с поведением испанской каменки.

Новые сведения накапливались лавинообразно. И в те минуты, когда удовлетворение, близкое к чувствам охотника, получившего, наконец, желанный трофей, сменялось попытками осмыслить уже известное, в душу закрадывалась неясная тревога. «Как, – думал я, – удастся мне привести к общему знаменателю все то обилие характеристик поведения разных видов, когда настанет время перейти к их аналитическому сопоставлению». Ведь уже тогда стало ясно, что златогузая и испанская каменки имеют между собой очень мало общего как в манере устройства гнезда (вторые не работают в роли каменщиков), так и в особенностях поведения, которое мы привыкли называть «сигнальным» (песни, рекламные полеты и прочее). А эти два вида, как выяснилось, резко отличаются по всем этим «признакам» от каменок пустынной, черной и черношейной, не говоря уже о плясунье.

Задача казалась отчасти сродни той, которая стоит перед человеком, собирающимся купить автомобиль. Он может собрать полную информацию о технических характеристиках множества моделей, доступных ему по цене, но при этом ему придется удерживать в уме целый ряд комбинаций из большого числа характеристик. Таких, в частности, как мощность мотора, степень проходимости, мера потребления горючего, дизайн, удобство салона и многое-многое другое. Иными словами, покупатель будет вынужден проделать исчерпывающее *сравнение* между несколькими сложными *системными* образованиями и выстроить для всех них единую оценочную шкалу – от наименее привлекательных до кажущихся оптимальными в большей или меньшей степени. В моем случае такое сравнение, согласно изначально поставленной задаче, должно было послужить оценке степени этологического сходства между видами и, на этой основе – меры их филогенетического родства, как об этом уже было сказано ранее.

Место для работы было поистине идеальным. В тени под скалой стояли клетки с пойманными птицами, к которым время от времени прилетали их сородичи, так что можно было с близкого расстояния наблюдать их повадки и записывать голоса. Среди пленников были испанская каменка и особи двух видов так называемых пустынных снегирей, толстоклювого и монгольского. Какой только чепухи не было написано про них в орнитологических справочниках. И что это виды двойники, и что они представляют

собой разновидности (подвиды) одного вида. Позже я развеял все эти нелепости, показав путем сравнительного анализа их поведения, что это далеко разошедшиеся виды, которые оказались в одном регионе, расселяясь навстречу друг другу из Европы и Центральной Азии¹².

Увы, наше пребывание в чудесном ущелье сильно омрачалось нескончаемым потоком непрощенных гостей. О нас каким-то образом стало известно в деревне Аза, и местная молодежь мужского пола шла ежедневно, как на экскурсию, посмотреть на русских шатенок. По двое, по трое приходили парни в белых рубашках и лаковых штиблетах, усаживались под скалой на корточках и подолгу наблюдали за тем, что мы делаем. Постепенно мы научились минимизировать время словесного общения с ними, особенно я, который старался сесть где-нибудь подальше, держа бинокль около глаз. Но нас все время пытались втянуть в разговор. Со стороны посетителей тематика была на редкость единообразной. Если пришли азербайджанцы, они говорили: «Мы знаем, к вам сюда ходят армяне, так что вы будьте осторожны с этими людьми». Совершенно то же самое мы слышали от армян, которые предостерегали нас от излишнего доверия к азербайджанцам.

Впрочем, эти посещения имели одно позитивное следствие. Нередко гости приносили с собой бутылки с местным самогоном, вроде грузинской чачи. Особенно в этом усердствовал один пожилой азербайджанец, которому приглянулась Нина Булатова. Он приносил не только самогон, но и самодельное вино в немалых количествах. В намерение этого человека, которыми он делился со мной в отсутствие наших девушек, входило выкупить у нас Нину, сделав ее своей женой.

Пить с гостями мы отказывались, мотивируя это тем, что «слишком жарко», как оно, впрочем, и было на самом деле. Все принесенное я аккуратно расставлял в ряд под скалой, где в неглубокой нише у самой земли всегда была тень. Так у меня образовался вполне приличный бар. Не было двух напитков, принесенных разными людьми, которые не различались бы на вкус. Поэтому перед ужином я дегустировал несколько и выбирал тот, который в этот вечер наиболее соответствовал моему настроению.

Во время экскурсий в ближних и дальних окрестностях лагеря я обнаружил место, где среди прочих птиц численно преобладали черношейные каменки. Им я уделил в эту

¹² См. об этом в главе 8.

поездку меньше внимания, чем двум другим видам, о которых речь шла ранее. Тогда мне казалось, совершенно ошибочно, что уж о черношейных-то каменках я знаю достаточно по наблюдениям, сделанным в Копетдаге. Но все же я посетил это место несколько раз. Здесь, как и в других точках, куда я ходил на экскурсии, у меня под камнями была спрятана большая жестяная банка от болгарского лече, в которой я кипятил воду для чая, и жестянка поменьше, используемая в качестве чашки. Воду я приносил с собой. В лагере мы готовили на паяльной лампе. А чтобы развести костер там, куда я уходил на целый день, мне каждый раз приходилось по пути подбирать каждую сухую веточку, каждый кусочек древесины, которые попадались мне на глаза в этой суровой местности, выжженной солнцем и практически лишенной растительности. Горючего всегда оказывалось так мало, что мне ни разу не удалось довести воду до кипения, но лишь до такого состояния, чтобы чай все же заварился.

Тогда я не знал, что судьба приведет меня сюда еще дважды, в 1975 и 1977 годах. При этих повторных посещениях региона я останавливался лагерем именно здесь, по соседству с черношейными каменками. Место был уединенным, удаленным от шоссе и дороги, где я был надежно застрахован от визитов назойливых посетителей. Как раз здесь я получил в эти годы множество совершенно новых, интереснейших сведений о поведении черношейной каменки, которую к тому времени уже выбрал в качестве одного из двух модельных видов.

Напомню читателю, что «модельным» принято называть такой объект исследования, на основе глубокого знакомства с которым удастся раскрыть некие общие закономерности весьма широкого круга явлений, глубинная суть которых представляется ученому еще недостаточно понятой его предшественниками. В моем случае каменки стали модельной группой, на основе детального изучения которой в полном объеме (то есть всех доступных мне видов¹³) я надеялся уяснить для себя сущность явления коммуникации у птиц вообще. А черношейная каменка в итоге была использована мной для построения некоего мысленного каркаса, на котором, в моем понимании, держатся принципы организации коммуникативного процесса у птиц семейства дроздовых¹⁴. Эта аналитическая часть работы заставляет оставить на заднем плане все множество частных

¹³ В том числе, и обитающих за пределами тогдашнего СССР.

¹⁴ На обложке книги «Механизмы коммуникации у птиц», истории создания которой посвящены эта и следующая главы, помещен мой рисунок с изображением двух конфликтующих самцов этого вида.

черт поведения, уникальных для каждого данного вида. Такие характеристики извлекаются из памяти лишь в тот момент, когда следует проверить, служат ли они подтверждением конструируемой схемы или же входят в противоречие с ней.

Вторым модельным видом стала для меня черная каменка, поистине удивительные черты образа жизни которой раскрылись в следующей экспедиции.

Ширабад. В первых числах марта 1971 года из Новосибирского Академгородка выехал экспедиционный отряд в направлении до одной из самых южных точек тогдашнего Советского Союза – города Термез, стоящего на границе с Афганистаном. На этот раз в моем распоряжении была высоко проходимая машина – ГАЗ-66. Вел ее некто Михаил, фамилией и отчеством которого я никогда не пользовался, и потому, к величайшему сожалению, не смогу привести их здесь. Для меня он тогда и на протяжении последующих нескольких лет был просто Мишей, на которого в наших поездках я мог положиться как на самого себя. Это был водитель-виртуоз, и не существовало такого места, угрожающего на вид качеством дороги, куда бы он отказался ехать и которое затем не смог бы преодолеть на своем железном коне. Я столь многим обязан этому человеку, который неизменно способствовал успеху моих полевых исследований, что считаю должным отклониться от канвы предыдущего изложения и привести лишь два примера того, как Мише удавалось выручить своих пассажиров в весьма рискованных дорожных ситуациях

Один такой эпизод имел место в той самой поездке, о которой я только что начал рассказывать. Мы возвращались на трассу из высокогорий Гиссарского хребта, и местные жители попросили нас взять в кузов несколько овец, предназначавшихся на продажу на базаре в Душанбе. Животных везли два немолодых таджика в халатах и тюбетейках. Я сидел рядом Мишей в кабине. Узкая дорога шла под уклон по уступу довольно крутого склона. Накануне прошел сильный дождь, грунт был глинистый, и машина вдруг стала идти юзом, все более приближаясь к внешнему контуру дороги. Тогда Миша, уловив удобный момент, мягко повернул руль влево и съехал наискосок вниз до ближайшего ровного места, лавируя по склону крутизной не менее 40° . Таджики, насмерть перепуганные этим маневром, выскочили из кузова и наперебой восклицали: «Рахмат (спасибо), большой рахмат!».

В другой раз экспедиция возвращалась из Забайкалья, где я собрал материалы по местному виду сорокопутов. Маршрут проходил по южному берегу Байкала. Здесь в озеро впадает множество небольших рек, текущих с гор, которые окаймляют его с юга. Из-за сильных дождей все они вышли из берегов и смыли проложенные над ними мосты. Деваться было некуда, и вот что придумал Миша. Он съезжал с дороги в направлении к берегу устья реки, и, подъехав туда вплотную, спускался в озеро и ехал прочь от берега по конусу выноса¹⁵. Сделав полукруг, машина выезжала по другую сторону устья и продолжала путь до следующего такого же препятствия. Один раз, когда до выезда на сушу оставалось метров десять, мотор заглох, и нас начало потихоньку сносить течением реки назад в озеро. Эти последние метры мы ехали короткими рывками, за счет многократных включений стартера, числу которых я быстро потерял счет. Когда вечером мы въехали в Слюдянку, что у западной оконечности Байкала, местные жители были в полном недоумении, как же нам удалось преодолеть эту трассу: машины с востока не приходили в населенный пункт уже два-три дня.

В поездке, о которой речь пойдет дальше, полевой отряд состоял из трех человека. Ко мне присоединились сотрудница нашей лаборатории Наталья Юрьевна Малыгина и студент-биолог Иосиф Черничко из Мелитополя. Я был знаком с его курсовой работой по поведению куликов и рассчитывал на его квалифицированную помощь в наблюдениях за каменками. До места работы предстояло проехать больше трех тысяч километров. Маршрут пролегал через города Алма-Ата и Ташкент, где мы останавливались на ночевки.

Когда мы на пятый день доехали до реки Ширабад (правый приток Амударьи), стало ясно, что именно здесь следует расположиться лагерем. Один берег был пологим, и мы без труда нашли на нем ровную площадку, где и поставили палатки. Сама река имела ширину около 15 м, и по ее каменистому дну можно было перейти на другой берег, не замочив шорты. Здесь вплотную к воде вдоль русла возвышалась вертикальная лёссовая стена высотой не менее 4-5 м. Ее поверхность изобиловала пустотами самой разной

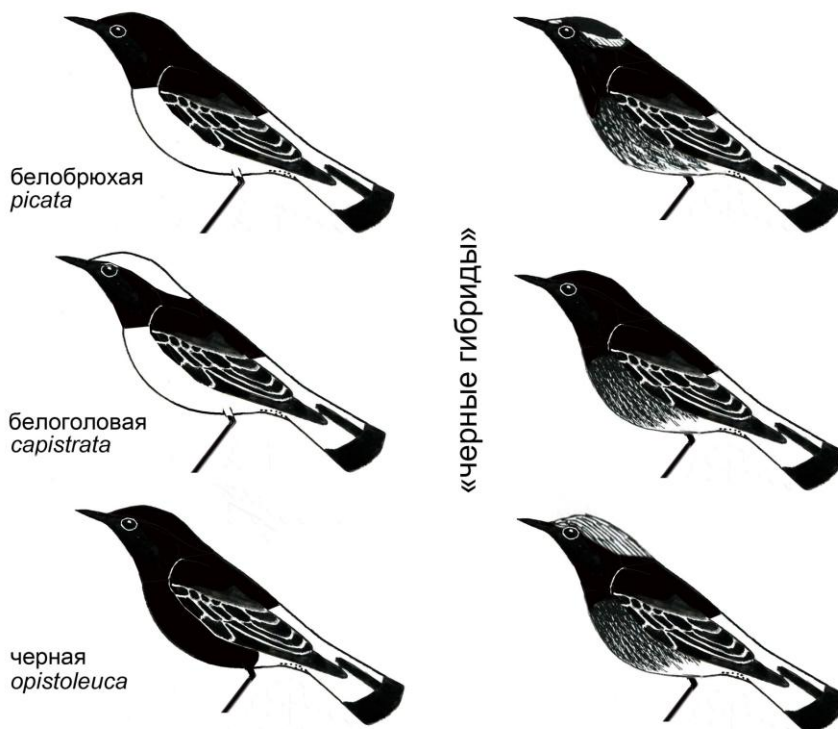
¹⁵ Конус выноса – отложения фрагментов грунта, выносимых водой из устья реки и оседающих в форме полукруга за счет уменьшения скорости течения и уклона поверхности.

величины и формы – от небольших пещер до узких отверстий, идеальных в качестве укрытий для гнезд каменок. В общем, место казалось истинным раем для этих пернатых.

Так оно и было. Наиболее массовым их видом была черная каменка, немногим менее обычным – черношейная. По выровненным участкам долины гнездились плясуньи. В общем, состав видов был почти таким же, как в предгорьях Копетдага, но полностью отсутствовали плешанки. Наиболее интересным и новым для меня оказалось то, что черные каменки здесь выглядели совершенно иначе, чем те, с которыми я познакомился в долине реки Сикизьяб шесть лет тому назад. Только один самец из примерно сорока, которые жили в окрестностях нашего лагеря, был окрашен так же, как черные каменки из тех мест.

Как и у испанских каменок в Закавказье, все прочие самцы обладали двумя резко различными типами окраски. У одних бросались в глаза белые «шапочки», и в этом отношении они были в высшей степени похожими на плешанок. Оперение других **выглядело** угольно черным, а белыми оставались лишь небольшие участки в нижнем основании хвоста и, разумеется, внутренние две трети самих рулевых перьев. Отличие от того, что мы видели, когда речь шла об испанских каменках, состояло в следующем. Помимо названных двух вариантов окраски, довольно обычными оказались и промежуточные между ними. Это были птицы, которые издалика выглядели черными. Но рассматривая их в бинокль, вы бы заметили, что верх головы у них светлее, образует шапочку разных оттенков серого, а на черных груди и брюхе окончания перьев беловатые.

Было ясно, что это птицы со смешанной наследственностью – нечто вроде гибридного потомства носителей двух принципиально разных типов окраски. Но загадкой тогда казалось то обстоятельство, что при этом все без исключения самки были совершенно одинаковыми с виду – единообразно песочно-серыми. Как такое могло быть, мне предстояло выяснять в дальнейшем, на протяжении последующих нескольких лет. О том, как это было сделано, и к каким выводам я пришел, будет рассказано в главе 5. Теперь же мое внимание было сосредоточено на том, чтобы узнать как можно больше о поведении этих птиц.

Я начал с того, что обозначил для себя основные точки постоянных наблюдений, где мне следовало находиться на протяжении всего дня, от восхода до заката. Это должны были быть территории пар, в которых самцы обладали бы контрастными типами окраски. В то время орнитологи были уверены¹⁶, что речь здесь идет о разных морфах, как и в случае с испанскими каменками. Белоголовой морфе было присвоено имя *capistrata*, черной – *opistholeuca*. Далее я буду называть самцов попросту «белоголовыми», «черными» и «гибридами». При выборе мест наблюдений следовало учитывать несколько обстоятельств, помимо определяющего (облик самца-хозяина участка). Я бы не выдержал, если бы пришлось часами сидеть на совершенно открытом месте под палящим солнцем субтропиков. Значит, необходимым было какое-то укрытие, хотя бы временами дающее тень. Важное место в программе наблюдений занимала звукозапись. К тому времени у меня уже был портативный магнитофон Sony с выносным микрофоном, который крепился на конце провода длиной около 20 м, намотанным на алюминиевую катушку. Стало быть, расстояние от укрытия до того места, где птицы бывали наиболее часто, не должно было сильно превышать два десятка метров. И, наконец, места

¹⁶ Ошибочно, как мне удалось выяснить в дальнейшем.

наблюдений следовало выбирать так, чтобы я мог оказаться там ранним утром, потратив минимум времени на переход сюда от лагеря.

Итак, были обозначены два пункта наблюдений. К счастью, мне быстро удалось установить, что у черных каменок подготовка членов пары к спариванию происходит примерно так же, как это было описано выше, когда речь шла о каменках златогузых. А именно, самец приглашает самку к месту свиданий, избранному им заранее в какой-нибудь достаточно обширной пещерке с ровным полом. Я нашел несколько таких ниш, среди которых одна, удачно расположенная в соответствии с моими требованиями, принадлежала белоголовому самцу, другая – гибриднему. Наверное, более правильным было бы обосноваться на территории «чистокровного» черного самца, но таких, как вскоре выяснилось, в этой популяции было совсем немного, а характер их территорий не удовлетворял продуманному мной плану наблюдений.

Один из вопросов, казавшихся мне наиболее важным, состоял в следующем. Есть ли какие-либо различия в брачном поведении самцов с разными типами окраски, на основании чего самки могли бы делать выбор между ними? Я тщательнейшим образом зафиксировал происходящее в местах свиданий у белоголового и гибридного самцов. При записи звуков, которые они воспроизводят в этих ситуациях, я мог одновременно комментировать голосом ход событий в мельчайших деталях. Оказалось, что такое взаимодействие между самцом и самкой четко распадается на два этапа.

В течение первых трех - четырех дней после завершения постройки гнезда самкой члены пары обычно держатся порознь и встречаются лицом к лицу только в описанных выше местах свиданий. Инициатива в подготовке свидания чаще исходит от самца, много реже – от самки.

Как правило, на протяжении дня имеет место только одна копуляция. На первом этапе подготовки к спариванию самец держится у подножия той скальной стенки, один из карнизов которой служит паре местом свиданий. Все оперение самца сильно распушено, так что выглядит он как игрушечный черно-белый шарик. Пребывая в этом состоянии, самец то и дело отводит в сторону крылья, чистит клюв о ветку или коротко перебирает им оперение. Некоторые эти его действия порой сходны с теми, что можно видеть после купания, когда птичка сушит крылья, удерживая их отставленными от туловища. Время от времени самец перелетает замедленным трепещущим полетом на другой кустик. Но

изредка он взлетает высоко, проделывая типичный рекламный полет. Все это сопровождается бесконечными монотонными повторами коротенькой песни, которая произносится вполголоса и своим однообразием резко контрастирует с богатством звучного пения самца, когда тот пребывает на своем постоянном песенном посту на одной из самых высоких точек его территории.

Все поведение самца выглядит так, словно он находится в состоянии острой психической нестабильности. Монотонная хаотичность его действий вызывает в памяти поведение человека, который не знает, что ему делать и опасается предпринять какой-нибудь решительный шаг. Все это может продолжаться и 10 минут и более часа.

Внезапно поведение самца меняется самым коренным образом. Он устремляется на карниз свиданий и начинает выкрикивать там фразы песни, ничем не напоминающую те напевы, которые можно было слышать до этого. Это какофония странных звуков, таких как своеобразное шипение, завывания, бульканье, лай и нечто вроде скуления щенка. Все это совершенно не вяжется с обликом этой маленькой птички. Но особенно интересным для меня обстоятельством оказалось следующее: эта песня, как и позы, которые самец принимает в эти минуты, ровным счетом ничем не отличались от того, что приходится видеть во время наиболее острых конфликтов между самцами в тот период, когда они делят местность, устанавливая в этих противостояниях границы своих индивидуальных территорий.

Во время пения самец бегаёт в нише, быстро перебирая лапками, словно бы скользя по субстрату. Он то скрывается в одном из темных углов ниши, то выскакивает на ее край. Бело-черные перья хвоста развернуты веером, клюв то и дело резко поднимается кончиком вверх, а временами тело выпрямляется столбиком, так что клюв на мгновение оказывается в строго вертикальном положении. Один из компонентов песни звучит как пронзительное «цик-цик-цик...». При этих звуках становится виден ярко желтый зев, резко контрастирующий с угольно черным цветом самого клюва. Впечатление такое, словно в затемненной нише ритмично вспыхивает крошечный фонарик.

В те немногие дни, когда готовность самки к спариванию максимальна, она прилетает к месту демонстраций самца в считанные минуты и садится неподалеку от карниза, оказываясь в поле зрения супруга. В этот момент он приходит в полный экстаз, ускоряя темп бега при стремительных перемещениях по дну ниши. Когда же самка

садится в пещерку, он, не переставая петь, вылетает из нее и проделывает перед ее входом неистовый полет петлями. Хвост самца широко развернут, амплитуда взмахов крыльев очень мала. Плоскость скольжения в воздухе то и дело резко меняется, и после каждой петли самец мягко ударяется грудью то о нависающий над нишей карниз, то о стенку ниже ее. Затем он усаживается на край карниза, а самка бежит, пригнувшись грудью к земле и вибрируя слегка приподнятыми крыльями, в дальний темный угол ниши. Самец отводит крылья в стороны, очень мелко трепещет ими и, издавая свое «цик-цик...», плавно взлетает-всползает на спину самки. Зачастую все это происходит в густых вечерних сумерках.

Взаимодействия на втором этапе, непосредственно предшествующем спариванию, не всегда протекают точно в соответствии с тем, как я это описал. Иногда самец по несколько раз кряду навевается на свой карниз, прежде чем здесь появится его супруга. Или же самка прилетает к месту свиданий в тот момент, когда самец пребывает в настроении, не соответствующем ситуации. Порой брачные игры почему-либо прерываются, когда они в самом разгаре, и спаривания не происходит. Согласованность поведения партнеров нередко нарушается вмешательством в процесс посторонних особей. Все это служит причиной безуспешности многих попыток копуляции у данного вида. У одной пары, находившейся под самым пристальным наблюдением, мне так и не удалось увидеть ни одного спаривания. Первую попытку копуляции я наблюдал 17 марта. Вторая, на следующий день, была нарушена вмешательством постороннего самца. 19 марта самец активно посещал место свиданий, пытаясь привлечь сюда самку. В 11.00 она прилетела к нему, но попытка завершить взаимодействие была пресечена вмешательством какой-то пришедшей самки.

У другой пары, за которой я вел почти непрерывные наблюдения, за четыре дня, в течение которых самка проявляла готовность принять самца, четыре свидания привели к успеху, но шесть других окончились ничем. Наиболее гладко проходят первые копуляции, а к концу периода спариваний самка становится агрессивной и в самый последний момент не подпускает самца к себе.

В общем, я не нашел никаких очевидных различий в характере такого рода взаимодействий в парах с самцами разных типов окраски. Как я узнал позже, во время экспедиций на полуостров Мангышлак (восточный берег Каспийского моря) в 1974 году

и в Нахичеванскую АССР годом позже, все сказанное здесь, с некоторыми отклонениями в деталях, действительно и в отношении черношейной каменки. Только брачная песня самца, приглашающего самку к спариванию, у этого вида совершенно иная.

В те редкие дни, когда я устраивал себе выходной, чтобы не вставать чуть свет и выспаться, сквозь утренний сон, часов в семь-восемь, слышал первые звуки просыпающегося лагеря. Самым характерным из них был звонкий удар крышки молочной фляги, которая перед выездом в экспедицию была доверху наполнена спиртом. Это Миша берет себе оттуда порцию «на маленький синий глоточек», заменяющий ему завтрак. Потом он продолжает совершенствовать спуск к реке по ступенькам, вырубленным, чтобы удобнее было брать воду. Иосиф уже где-то на экскурсии – придет, расскажет, что нового видел. Когда встает Наташа, Миша раскочегаривает паяльную лампу так, чтобы она, рыча, горела синим пламенем, и ставит чайник на сложенный из камней очаг.

Миша не был любителем природы, но он быстро схватывал увиденное и не оставался в стороне от всего того, что было целью наших поездок. Вот мчится ГАЗ-66 со скоростью 85 км в час (в те годы это казалось очень большой скоростью), Миша лениво следит за дорогой и вдруг говорит мне: «Вон твой сидит». «Кто?», – спрашиваю я. «Сорокопут». «А откуда ты знаешь?». «А что, я в них не волоку?!».

К тому же в нем глубоко сидел скрытый азарт охотника. Как-то мы наметили отказаться на день от наблюдений за каменками и съездить в Термез закупить продукты. Долго приводили себя в приличный вид, брились и одевались по-городскому. До трассы путь пролегал по целине. И не успели проехать два-три километра, как вдруг Миша, едва заглушив мотор, выскакивает из кабины и со всех ног бежит впереди машины. Это он увидел большого варана. Мы с Иосифом присоединяемся к погоне, и вот все трое, покрытые толстым слоем пыли, вытаскиваем ящерицу из узкой промоины в лессе, куда она успела забиться. Позже, когда варана выпустили около лагеря, мне удалось сделать несколько снимков этой эффектной рептилии в угрожающих позах.

Но вернемся к каменкам. До сих пор речь шла в основном о поведении самцов. Между тем, и наблюдения за самками давали много новых и довольно неожиданных сведений. Оказалось, что и самки ревностно защищают участок пары от посягательств на него своих соперниц. Во время таких конфликтов они поют и принимают точно такие же

позы, какие свойственны самцам в аналогичных ситуациях, а временами вступают в жестокие драки друг с другом. Самец же, хозяин территории, как правило, остается совершенно безучастным к происходящему, предоставляя своей супруге самой решать возникшие у нее проблемы.

Но в одном случае события развивались совершенно иначе. Когда на участке уже сложившейся пары появилась еще одна самка, а первая хозяйка попыталась изгнать ее, самец-хозяин территории неожиданно принял сторону пришельцы. Он раз за разом загонял свою супругу в норку, вырытую каким-то грызуном, откуда она подолгу боялась высунуться, и тем самым полностью сломил ее сопротивление. В дальнейшем эта самка все же отложила яйца в гнездо, которое было почти готовым к моменту появления соперницы и находилось, по счастливой случайности для первой хозяйки, в наиболее периферийном фрагменте территории, на который новая самка не претендовала. Она стала владелицей всей остальной площади участка.

Интересные результаты я получил, наблюдая за процессом постройки гнезда самками. Как и у златогузых каменок, все начинается с доставки камней в выбранное самкой убежище. Птица отдается этому делу периодически, делая перерывы в работе разной длительности. Так, одна из самок утром 31 марта за 13 минут, с 7.50 до 8.03, доставила на место 17 камней, после чего улетела и отсутствовала до 8.40. Снова взявшись за дело, она в последующие 20 минут подняла наверх 29 камней. Пожалуй, в данном случае наиболее интересен для этолога вопрос о том, как происходит переключения с одной врожденной программы поведения (доставка камней) на другую – изготовления самого гнезда из сухой травы. Здесь существует короткий переходный период, когда птица носит в убежище и камни и травинки. Забавно бывает наблюдать явную растерянность птицы, словно она не уверена в том, что ей следует делать в данный момент. Вот и в том эпизоде, о котором только что шла речь, возобновив работу в 8.40 и доставив в нишу первые 12 камней, самка попыталась было вырвать из земли прошлогодний сухой стебель, но не довела дело до конца и снова принялась носить камни. А перед тем, как закончить этот сеанс строительства, она набрала в клюв пучок травы, но не понесла его в гнездо, а бросила на месте и улетела на отдых.

То, что самка слепо следует врожденной программе (ведет себя чисто инстинктивно), не контролируя свои действия сознанием, подтверждает следующее мое

наблюдение. Одно готовое гнездо я нашел выстроенным в заброшенной глинобитной кошаре, на деревянной балке, округлой в сечении. Я начал осматривать содержимое гнезда и вдруг подумал, «А где же камни?». Взглянув под ноги, увидел аккуратную кучку их, лежащую точно под гнездом. И так, птица раз за разом притаскивала камешки на покатуую поверхность балки, и все они без исключения падали вниз, на пол сарая. Закончив свою «работу», самка свила гнездо, совершенно проигнорировав полное отсутствие каменного настила.

Везем домой воронов. Как-то незадолго до отъезда в Академгородок Миша нашел недалеко от лагеря гнездо воронов. До этого я однажды рассказал ему, ссылаясь на книгу Конрада Лоренца «Кольцо царя Соломона», какие это замечательные птицы, и что ручного ворона можно сравнить с преданной хозяину собакой. Он настоял, чтобы мы сходили к гнезду и взяли птенцов. Оно располагалось метрах в четырех от земли на уступе скальной стенки. Лезть туда пришлось мне, поскольку, как поведал Миша, он страшно боится высоты. Я взял наверх моток веревки и его шапку-ушанку. В гнезде сидели четыре птенца. Я собрался взять себе одного, и когда сажал его в шапку, чтобы на веревке спустить вниз, услышал оттуда: «Мне двух!».

Птицы оказались чрезвычайно прожорливыми. Но пока они не выросли почти до размеров взрослых, четверо участников экспедиции кое-как справлялись с задачей держать их в сытости. Ехать обратно я решил через Душанбе, чтобы оттуда завернуть в высокогорья Гиссарского хребта, где, как я знал, обитают плешанки и обыкновенные каменки. По дороге к этому городу со снабжением воронов кормом особых проблем не было. Шоссе было усеяно трупами воробьев, сбитых проезжающим транспортом. Мы останавливались, подбирали трех воробьев, и вопрос оказывался решенным на ближайšie два-три часа. Ворон широко открывал клюв, ему в зев запихивали воробья целиком, и все оставались довольны.

Из аэропорта в Душанбе двое наших спутников отправились по домам, а нам предстояло ехать на север еще 2920 километров, не считая крюка до села Такоб, где я собирался провести три-четыре дня. Недалеко от въезда в этот кишлак горную речку пересекал мост, который выглядел не слишком надежным. Мы остановились в нерешительности, и в это время к машине подбежал мальчишка лет семи. Он попросился

проехаться с нами до деревни. Когда я дал согласие, Миша проворчал: «Зачем разрешил, сейчас сами угробимся и пацана угробим».

Выше кишлака в горах, на высоте свыше трех тысяч метров над уровнем моря лежал снег, и погода была хуже некуда. Вечером я застрелил сурка, мясо которого прекрасно пошло под спирт. Плотно накормлены были и наши вороны. Но Миша опасался, что птицы могут простудиться студеной ночью. Поэтому он взялся соорудить для каждой гнездо, приподнятое на полметра над землей на трех вбитых в грунт колышках. Как это выглядело, читатель может узнать из прилагаемой фотографии.

Далее на пути домой вороны все чаще заставляли нас нервничать. Они ехали в кузове под тентом и непрерывно кричали. Когда машина оказывалась в очереди на заправку, шоферы из автомобилей, стоявших дальше нашей, подходили к окну водителя и спрашивали: «Кто это у вас в кузове?». Миша, которого смутить было трудно, лаконично отвечал: «Петухи». Накормить воронов досыта казалось невозможным. Мертвые воробьи отчасти скрашивали нам существование, но беда была в том, что наши питомцы становились все более и более привередливыми. Если воробей, сбитый машиной, пролежал на асфальте более часа или полутора, ворон отказывался заглатывать его и сразу же выплевывал. Поэтому стало ясно, что если мы и дальше будем рассчитывать на этот источник корма, то доедем до Новосибирска где-то ближе к осени.

Остановились мы на том, что ничего с воронами не случится, если они поголодают пару дней. Мы знали, что они находятся пока что в очень хорошем физическом состоянии. Просто надо ехать как можно быстрее. Подъехав, наконец, к Алма-Ата, откуда до дома оставалось 1680 километров, мы решили, что с утра следующего дня ускорим передвижение. До следующего большого города, Семипалатинска, было ровно тысяча километров. Миша предложил мне поспорить с ним на бутылку коньяка, что он проедет это расстояние за световой день. Я сильно сомневался в сказанном и охотно принял пари. Все равно, коньяк-то мы в любом случае будем пить вместе.

«Световой день» начался в густых сумерках, не было еще и четырех часов. Мы ни разу не останавливались и успели в Семипалатинск еще до закрытия магазинов. Вылезая из кабины и направляясь к ближайшему из них, я почувствовал, что нахожусь во власти галлюцинаций. Уже наступили сумерки, и мне казалось, что надо мной висит какой-то твердый купол правильной овальной формы. Такое патологическое состояние

легко объяснить, если вспомнить, что тяжелый, ревущий на ходу ГАЗ-66 – это не то же самое, что легковой автомобиль с комфортным салоном. А путешествие наше проходило при дневной температуре воздуха не менее 30⁰ по Цельсию.

На следующий день наше внимание привлекли суслики, которые то и дело перебежали дорогу. У нас обоих одновременно возникла мысль, что суслик может оказаться весьма полезным в качестве обеда для воронов. Оставалось только ждать удобного момента, когда план сможет быть осуществлен. Пару раз мы, выскакивая из машины, оставались в итоге ни с чем. Но наконец, пришла удача: суслик как-то замешкался и мы просто затоптали его. Цель оправдывала средство.

Дело происходило как раз у въезда на деревянный мост. Его перила оказались удобным местом для разделывания тушки с помощью топора. Миша открыл задний тент кузова, и три ворона, крича и размахивая крыльями, уселись на борт. В тот момент, когда мы окровавленными руками совали куски мяса в их раскрытые клювы, мимо нашего ГАЗа, двигаясь навстречу ему, проехал мужчина на мотоцикле и остановился в метре-полтора позади машины. Мотоциклист явно намеревался о чем-то спросить нас, но бросив мельком взгляд на происходящее, мгновенно нажал газ и исчез в клубах пыли.

Под конец дорога стала поистине ужасающей из-за глубоких колдобин, между которыми приходилось постоянно лавировать. Видимо, те, кто должен был обслуживать трассу, соединяющую крупнейший город РСФСР – Новосибирск со столицей союзной республики Казахстан, изредка бывая здесь, отдавали себе отчет в негодном ее состоянии. Мы долго ругались и смеялись одновременно, увидев на обочине дороге плакат такого содержания: «ОСТАЛОСЬ 30 км». Миша пробормотал: «Большевики погубили Россию».

К моему дому в Академгородке мы подъехали в ночь с 9 на 10 мая. Миша говорит мне: «Жень, ты моих пока возьми к себе». Тут и я забеспокоился: каково это будет явиться ночью к спящей молодой жене Люде с тремя воронами! Я подумал, что лучше будет пока что поместить их на чердаке, прямо над моей квартирой, находившейся на предпоследнем, девятом этаже. Мы подставили воронам запыстья рук, куда они привычно уселись, как это делают ловчие сокола, и понесли их наверх. Лифта не было, и все время пока мы поднимались по ступенькам, птицы довольно громко бормотали почти человеческими голосами. Путь наверх лежал точно мимо моей квартиры.

Оказалось, что помещение чердака не герметично. На стыках стен и крыши оставались довольно широкие щели, и я побоялся, как бы поутру вороны не улетели. Миша с сознанием выполненного долга отправился домой, а я тихо постучался в дверь. Люда выглядела испуганной: оказывается, она слышала наши шаги и странные звуки «разговора» воронов. Я сделал вид, что все в порядке, и минут через двадцать сказал: «Людушка, я тут привез трех птичек, сейчас они на чердаке, и я боюсь, как бы они утром не улетели». «Ну, что же, неси их сюда», – ответила она, не подозревая, какое потрясение ее ожидает. Я сходил на чердак сначала за двумя воронами, потом принес третьего. В однокомнатной квартире они выглядели совсем не так невинно, как в полевом лагере. Оказавшись на крохотной кухоньке, они, немного оправившись от дороги, начали неуклюже взлетать, и со стола и полок стала падать посуда. Я понял, что дело так не пойдет, и, видя ужас супруги, сказал: «Завтра утром вызову Мишу, и мы их кому-нибудь отдадим». «Но кто же в здравом уме их возьмет?!» – воскликнула она плача.

Оставив воронов на кухне, мы легли спать. Дверь в комнату закрывалась, но место, где полагалось быть матовому стеклу, пустовало. На рассвете мы проснулись от страшного шума, Три ворона сидели на одеяле и наперебой кричали, размахивая крыльями. Дело шло к катастрофе. Я позвонил Мише и попросил, чтобы он немедленно приезжал.

Вылезая из кабины, он сказал: «Хорошо, что ты вчера взял их к себе, а то сейчас бы уже гроб мне тесал...» Люда оказалось права: брать воронов никто из знакомых мне зоологов не хотел. Потеряв всякую надежду пристроить их, мы подъехали к коттеджу, где жил Алексей Крюков, и здесь один из воронов обрел себе убежище на несколько лет. Он облюбовал для жилья подвал и стал хорошо известен жителям Академгородка, поскольку свободно летал повсюду. Однажды кто-то попытался присвоить птицу, но ее на этот раз нашли, и она оставалась жить у любящих хозяев до следующего такого же похищения. Двух других воронов мы отдали в кружок юннатов. Так окончилась вся эта эпопея.